

и нижнюю сорочки. На верхнія сорочки употреблялось тончайшее полотно; это очевидно уже изъ того, что въ 1808 году за материал на 6 дюжинъ рубашекъ было заплачено свыше 5.000 франковъ. Сотня батистовыхъ платковъ стоила 1.400 франковъ слишкомъ. Всего на полотняныя вещи въ томъ году императоръ затратилъ 10.000 франковъ, следовательно, почти половину той суммы, которую онъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно тратить на свое платье.

Но никогда не доставалось придворнымъ поставщикамъ Наполеона такой богатой поживы, какъ при его коронованіи. Ни до, ни послѣ того не раздавались въ Тюльери въ такомъ обилии драгоценнѣйшие подарки и никогда королевскій дворецъ при Сенѣ не былъ свидѣтелемъ такой неслыханной роскоши, какъ въ то время. Коронаціонныя облаченія императора и императрицы стоили вмѣстѣ 650.000 франковъ, коронаціонные костюмы высшихъ сановниковъ — 150.000 франковъ. За драгоценныя украшенія заплачено было около 700.000 франковъ. За медали на память объ этомъ событии 20.000 франковъ. Въ общей сложности коронаціонныя празднества поглотили чудовищную сумму въ 5 миллионовъ—подобной затраты на коронацію не было произведено ни однимъ изъ монарховъ во времена французского королевства. И тѣмъ не менѣе, Наполеонъ I никогда не былъ въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Какъ въ государственной казнѣ, такъ и въ собственномъ хозяйствѣ у него царилъ образцовый порядокъ. Далѣй отъ того, чтобы позволить обирать себя своимъ придворнымъ поставщикамъ, императоръ просматривалъ каждый счетъ на самый пустякъ, причемъ придворнымъ поставщикамъ почти всегда приходилось сбавлять поставленныя цѣны.

* * *

Герцогъ Эрнестъ Саксен-Кобургъ-Готскій, какъ актеръ. Недавно скончавшійся герцогъ Кобургскій Эрнестъ извѣстенъ былъ своей многосторонностью. Онъ заявилъ себѣ, какъ правитель, дипломатъ, воинъ, охотникъ, композиторъ, историкъ, актеръ и поэтъ. Неудивительно, что нѣмецкія изданія переполнены воспоминаніями и анекдотами о немъ. Вотъ одно изъ наиболѣе достовѣрныхъ воспоминаній, принадлежащее извѣстному нѣмецкому артисту Фридриху Гаазе.

Когда въ февралѣ 1868 года герцогъ Эрнестъ выразилъ намѣреніе сыграть въ компаніи съ мѣстными аристократами во дворцѣ, въ Готѣ, „Стаканъ воды“ Скриба, въ присутствіи приглашенныхъ гостей и взять на себя лично исполненіе роли Болингброка, кобургская аристократія возликовала, оживилась и принялась усердствовать въ интересахъ этой затѣи.

„Я,—пишетъ Гаазе,—состоялъ въ то время директоромъ придворной герцогской сцены и получилъ отъ его высочества приказаніе взять на себя режисерство спектакля, въ особенности же посвятить мое вниманіе особѣ его высочества, и строго преслѣдовать его за самомалѣйшія промахи.“

Это было не легко, такъ какъ предстояло исправить изрядную массу крупныхъ промаховъ, прежде чѣмъ я могъ приняться за самомалѣйшія. Герцогъ горячо относился къ дѣлу, и его энергія и возбужденіе видимо передавались всему благородному собранію.

Репетицій было очень много, и всѣ, включая герцога, говорили свои роли безъ суплера. Герцогъ серьезно объявилъ, что глубокомысліе диалога до такой степени захватываетъ его, что ему требуется постоянное напоминаніе суплера, чтобы оставаться „au fait“.

Мнѣ хотѣлось улыбнуться, такъ какъ это замѣчаніе напомнило мнѣ различныхъ знаменитыхъ коллегъ, которые нерѣдко говорили тоже самое. Несмотря на трудность запоминанія, съ каждой репетиціей герцогъ становился все свободнѣе, проявилъ себѣ, какъ прелестный сатирикъ и выказалъ настоящій, заразительный юморъ, что я по чести и могъ ему замѣтить, причемъ я, конечно зналъ, что ему пріятно будетъ услыхать это.

Его затрудняли только движенія и держаніе шляпы и длинной палки.

Онъ постоянно хваталъ палку поверхъ набалдашника, вмѣсто того, чтобы брать ее ниже изъ-подъ длинной кисти. Шляпу же онъ обязательно зашивалъ подъ мышку, гдѣ, по его увѣренію, она „крайче лежалаась“. Разъ двѣнадцать вытягивалъ я у него шляпу изъ-подъ мышки—это дѣлалось по его же распоряженію и вѣладывалъ ему въ руку, гдѣ эта шляпа должна была легко, и свободно, какъ бы плавать въ воздухѣ, сообразно съ требованіями моды и граціи того времени.

— Ахъ, Гаазе, это неловко, право же неловко! Шляпа, такимъ образомъ, высокользнетъ у меня изъ руки на полъ.

— Нѣть, ваше высочество, вы же должны изволить приловчиться къ тому.

— Ахъ, Богъ мой, этого же не единій человѣкъ не знаетъ, никто изъ нашихъ зрителей ничего рѣшительно не пойметъ.

— Прошу васъ покорнейше,—весело возразилъ я.

— Ну, въ такомъ случаѣ, съ Богомъ!—улыбаясь отвѣчалъ привѣтливый герцогъ.

Между тѣмъ, шляпа продолжала по прежнему соскальзывать на полъ, пока, наконецъ, герцогъ съ сердцемъ не воскликнулъ: „Еще разъ чортъ побери, я всетаки не могу иначе!“ Слово за словомъ, наконецъ я увлекся, вообразилъ, что нахожусь на настоящей театральной репетиціи, посреди товарищѣй по призванію, и не очень-то вѣжливо крикнулъ:

— Но, прошу васъ, такъ вѣдь не держится ни одинъ благовоспитанный человѣкъ.

Картина!—Казалось, передъ аристократическимъ собраніемъ разверзлась земля,—наступило затишье передъ бурей.

Герцогъ кашлянулъ и сказалъ не сразу:

— Конечно, быть можетъ, въ данномъ случаѣ, вы вполнѣ правы, Гаазе,—но фактъ, что вы хотите научить меня, какъ долженъ держать себя аристократъ... все же... собственно это все же очень... очень обидно!

И герцогъ расхохотался во все горло и показалъ себя „снисходительнейшимъ“ изо всѣхъ его окружавшихъ.

Спектакль имѣлъ огромный успѣхъ, и я, по чести, долженъ признаться, что ни до, ни послѣ того не присутствовалъ при исполненіи этой комедіи, которое могло бы стоять на ряду съ этимъ придворнымъ спектаклемъ, въ смыслѣ „правдоподобности положенія“.

Герцогъ былъ въ самомъ розовомъ настроеніи. Избыточъ нелицемѣрныхъ комплиментовъ и, конечно, собственное сознаніе, основанное на разсудительности и скромности, почти совсѣмъ отуманили его.

Вдругъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ черезъ столъ: „Гаазе, а что если бы я былъ актеромъ, какъ вы думаете, какое бы я могъ получать жалованье? Только по чести, прошу васъ.

— Ваше высочество, право-же, не могу себѣ представить...

— Нѣть, нѣть, извольте отвѣчать! Какое жалованье, какъ вы полагаете,—могъ бы я требовать и получать?

— Ваше высочество... требовать... Вы могли бы... Бога ради...

— Ну-съ, скорѣ!

Все общество упорно уставилось на меня глазами, и въ глазахъ у всѣхъ свѣтились чертики.

— Ваше высочество... я полагаю...

— Ну-съ, что же вы полагаете?

— Я полагаю... 800 талеровъ... на среднихъ сценахъ!

Въ отвѣтъ послышался истерический хохотъ всего собранія. Герцогъ еще ранѣе поднявшись съ своего мѣста, вертѣлся на каблукѣ знакомой намъ всѣмъ манерой и съ сардонической улыбкой затѣмъ сказалъ: „Ну-съ, значитъ, я еще не пропаду!“ и потребовалъ себѣ сигару.